

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ГОЛУБЕВА (автобиография с примечаниями Л. А. Протасовой)

Исполнилось полвека со времени образования механико-математического факультета МГУ, первым деканом которого в мае 1933 г. стал известный тогда уже ученый, в равной мере причисляемый и к математикам, и к механикам. Некоторые из его работ были чисто теоретическими (исследования особых точек однозначных аналитических функций), другие имели прикладной характер (по математической статистике в приложении к лесному делу), наконец, многие получили интересную инженерную разработку и практическое применение, например по теории механизированного крыла самолета. Речь идет о Владимире Васильевиче Голубеве.

Выдающийся педагог и администратор, он долгие годы заведовал кафедрой аэромеханики, дважды избирался деканом механико-математического факультета, возглавлял Научно-исследовательский институт механики Московского университета, был начальником кафедры высшей математики Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского, инженером-исследователем ЦАГИ, членом-корреспондентом АН СССР.

Как и в биографии любого крупного представителя науки, в биографии В. В. Голубева интересны не только реальные научные достижения, но и личные черты его характера, отношение к жизни и науке. Крупный деятель культуры интересен как определенная индивидуальность. Эйнштейн отмечал, что моральные качества выдающейся личности имеют большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения.

Предлагаемая работа в некоторой мере освещает личность В. В. Голубева, восстанавливая основные события его жизни. Неопубликованная ранее автобиография ученого хранилась в архиве Научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского и была любезно предоставлена автору директором музея Н. М. Семеновой. Это жизнеописание, данное самим Голубевым и дополненное замечаниями из архивных и литературных источников, раскрывает много неизвестного или забытого из напряженной и плодотворной работы ученого, педагога и гражданина В. В. Голубева. Автор пользуется случаем выразить благодарность сотрудникам и администрации Научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского за их труд по сохранению и популяризации материалов, относящихся к деятельности замечательной научной школы Н. Е. Жуковского.

Владимир Васильевич Голубев родился 4 декабря (21 ноября по старому стилю) 1884 г. в Сергиевом Посаде, включенном теперь в г. Загорск Московской области. Его отец, Василий Сергеевич Голубев, был священником и преподавателем латинского языка в Воло-

коламском духовном училище. Мать, Клавдия Матвеевна Голубева, урожденная Кузьмина, была дочерью булочника, вышедшего из крестьян Ярославской губернии.

Далее дается текст автобиографии [1]:

«...В 1895 г. поступил в первый класс Московской первой мужской гимназии, которая помещалась на Волхонке около Пречистенских (ныне Кропоткинских) ворот. Среди учителей гимназии был ряд замечательных педагогов, как Сергей Михайлович Бородин (учитель русского языка в младших классах, автор широко распространенного учебника русской грамматики), Виталий Осипович Эйнгорн (учитель истории), Петр Николаевич Поляков (учитель арифметики в младших классах, автор ряда пособий по математике) и другие. Особое влияние на развитие интересов к науке оказал учитель математики в старших классах Федор Семенович Коробкин, широко образованный математик и прекрасный педагог. Точно так же значительное влияние оказал мой отец, который интересовался астрономией и естественными науками — геологией и ботаникою. Уже к VII классу определились вполне интересы; я с увлечением занимался математикой, был ярким астрономом-любителем. Отец подарил мне двухдюймовую астрономическую трубу, в которую я с увлечением наблюдал солнечные пятна, планеты, двойные звезды и т. п. Популярные книги по астрономии, как Клейн «Астрономические вечера» (также подарок отца), Юнг «Солнце», К. Д. Покровский «Путеводитель по небу» и т. п. были излюбленным чтением; летом с увлечением занимался собиранием геологических коллекций по обрывам на Москве-реке.

В VII классе с рядом товарищей по классу (Я. И. Смирнов, Кир. С. Милошевич, Конс. С. Милошевич — ныне проф. МГУ) организовали кружок для изучения астрономии, физики и химии. Прослушав увлекательную лекцию профессора В. К. Церасского, построил самодельный спектроскоп, в который наблюдал спектры и даже пытался их фотографировать, но неудачно. В то же время познакомился по прекрасной книге Нернст и Шенфлисс «Основы высшей математики» и с простейшими приложениями к физике и химии. В VIII классе слушал в МУ¹ с огромным интересом популярные курсы по теплоте (проф. Холли), по оптике и электричеству (прив.-доц. Цингер) и по химии (прив.-доц. Крапивин). Увлекаясь всеми этими предметами, я весьма мало интересовался историей, несмотря на прекрасное преподавание В. О. Эйнгорна, литературой и в особенности древними языками. Впрочем, по строгой домашней дисциплине, занимался всеми предметами достаточно добросовестно и весной 1903 года окончил гимназию с золотой медалью.

По окончании гимназии поступил на математическое отделение физико-математического факультета МУ. С поступлением в Университет интересы склонились полностью к занятиям математикой, чему, несомненно, много способствовали прекрасные лекции по математике проф. Л. Н. Лахтина и особенно проф. Б. К. Млодзеевского, лектора совершенно исключительного².

¹ Здесь и далее МУ — Московский университет (сокращение В. В. Голубева).

² Позже В. В. Голубев не раз вспоминал о влиянии отца, преподавателей гимназии и университета на формирование его интересов, мировоззрения, педагогических взглядов, отношения к Московскому университету. В частности, он подробно анализировал лекторское мастерство Б. К. Млодзеевского, Н. А. Умова, воспитательное значение деятельности Д. Ф. Егорова, Н. Е. Жуковского и других. Отдавая дань своим замечательным учителям, Голубев в то же время отмечал, что он не был чьим-либо «любимым учеником», а шел «сам по себе», воспринимал влияние разных ученых, но при этом искал свою собственную дорогу в науке [2, с. 174—182].

События 1905 года застали меня студентом II курса. В общем, революционные настроения, охватившие студенчество, отразились на мне весьма мало, хотя я и принимал довольно деятельное участие в сходках, в демонстрациях, на похоронах Баумана и т. п. Единственным результатом всех этих настроений для меня было некоторое знакомство с революционной литературой; я внимательно прочел «Коммунистический манифест» и ряд популярных изложений (Каутского и др.) с учением К. Маркса и даже считал себя социал-демократом³.

Поздней осенью 1905 г., когда стало ясно, что занятия в МУ, прерванные еще в начале октября, скоро не возобновятся, я по совету проф. Д. Ф. Егорова уехал за границу, в Париж, где и слушал в течение полугода лекции Гурса, Аппеля, Пуанкаре, Пенлеве, Адамара и Раффи. Несомненно, что эта поездка имела для меня совершенно исключительное значение, так как дала мне возможность познакомиться с научными интересами, с методами преподавания такого крупнейшего научного центра, как Париж. Немало полезного дало мне и то, что в Париже я жил вместе с Н. Н. Лузиным (впоследствии академиком АН СССР), который тогда только что окончил университет; его советы, несомненно, сыграли очень большую роль в развитии моих научных интересов.

Вернувшись летом 1906 года в Россию, я с особым интересом продолжал работать в университете главным образом над изучением теории функций действительного и комплексного переменного и аналитической теории дифференциальных уравнений, причем моим непосредственным учителем был профессор Д. Ф. Егоров, ученый чрезвычайно широких интересов.

Университет я окончил весной 1908 года. За дипломную работу «Обыкновенные дифференциальные уравнения 2-го порядка с неподвижными критическими точками» я получил от факультета премию Д. Д. Гнусина и по представлению профессоров Д. Ф. Егорова и Б. К. Млодзеевского был оставлен при университете на два года «для приготовления к профессорскому званию».

По окончании университета, с осени 1908 года, я начал работу как преподаватель математики, космографии, а позднее и методики арифметики в средней школе, в частном коммерческом училище А. Л. Плестерер и в частной женской гимназии М. Г. Брюхоненко. Я еще с VIII класса гимназии занимался репетированием, а с 1906 года два года работал в воскресной школе при фабрике Швартовского на Девичьем поле, эти занятия дали мне и хорошее знакомство с программами и учебною литературою, а также и умение вести занятия в классе, перед аудиториею; все это привело к тому, что занятия мои в средней школе шли успешно.

Несомненно, что работа в школе, занимавшая много времени (до 30—35 ч в неделю), отрывала меня от научной работы, но вместе с тем принесла мне и большую пользу, так как выработала во мне лекторские навыки, умение подойти к аудитории и держать ее в руках, а также и некоторое административное умение. Срок моего оставления при Университете кончился 1 января 1911 года, и в течение зимы 1910—1911 года я успешно сдал магистерский экзамен⁴ и как «магистрант» получил право преподавания в высшей школе.

---

³ В домашней библиотеке Голубевых до сих пор хранятся дореволюционные издания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

⁴ «Насколько широко и разносторонне был поставлен магистерский экзамен г. Голубева, можно судить по одному списку тех предметов, которые входили в

Однако воспользоваться этим правом я не смог до осени 1914 года, так как как раз в начале 1911 года в Университете разразилась «кассовая» история⁵, результатом чего был массовый уход преподавателей из МУ. Я полностью был на стороне ушедших и не хотел служить им заменой в МУ. Я по-прежнему продолжал работу в средней школе, и эта работа давала мне тот заработок, на который я жил. Я женился еще летом 1909 года на Наталии Сергеевне Перешивкиной, с которой познакомился еще подростком; в 1910 году родился сын Коля. Заработок преподавателя и позволял мне самостоятельно содержать себя и семью.

В 1911 году я напечатал первую свою научную статью «Об одном приложении теоремы Пикара к теории дифференциальных уравнений». Это была маленькая заметка в «Математическом Сборнике». В том же году я был выбран в члены Московского математического общества, что рассматривал как большую для себя честь.

Осенью 1912 года по инициативе проф. Б. К. Млодзеевского и Д. Ф. Егорова было физико-математическим факультетом МУ возбуждено ходатайство о предоставлении мне командировки за границу для научной работы сроком на 1 год. Эту командировку я получил в марте 1913 года и в начале апреля уехал с моей семьей за границу. С апреля 1913 года до конца семестра я слушал лекции в Геттингене, каникулярное время провел в Швейцарии, и с осени 1913 года вернулся в Геттинген, где пробыл до февраля 1914 года, а затем переехал в Париж, где оставался до начала июня, когда вернулся в Москву.

В Геттингене я слушал профессоров Гильберта, Каратеодори, Ландау, Вейля; впрочем, главным образом я занимался там изучением литературы по аналитической теории дифференциальных уравнений и по теории аналитических функций. Результатом этой работы явилась первая заметка моей диссертации: в Париже я также в первую очередь занимался работой над диссертацией, а также слушал лекции Пикара, Адамара и Гарнье. Несомненно, что возможность все время посвящать научной работе в атмосфере таких научных центров, как Геттинген и Париж, имела для меня исключительно важное значение в развитии научного кругозора и в уяснении ведущих направлений современной математики.

По возвращении в Россию я вернулся к преподавательской работе в коммерческом училище и в женской гимназии. Кроме того, с осени 1914 года я был зачислен «сверхштатным преподавателем» математики в Московский институт инженеров путей сообщения, где начал вести

состав испытания. Вот этот список: высшая алгебра, теория чисел, теория форм, дифференциальное и интегральное исчисление, теория функций действительного переменного, теория функций комплексного переменного, эллиптические функции, обыкновенные дифференциальные уравнения, уравнения с частными производными, вариационное исчисление, теория конечных разностей, геометрия проективная и дифференциальная, теория вероятностей. При этом почти по всем предметам, входящим в состав испытаний, кроме обычных общеобязательных отделов входили и некоторые специальные вопросы по особым программам...» [3, л. 59].

⁵ Вследствие активизации студенческого демократического движения в 1911 году министр народного просвещения Л. А. Кассо отстранил от должности ректора Московского университета А. А. Мануйлова, помощника ректора М. А. Мензбира и проректора П. А. Минакова и уволил их. Совет университета счел себя оскорбленным после отстранения от профессуры, вопреки уставу, трех выборных лиц. Большое количество профессоров и приват-доцентов подали заявления об отставке и прекращении чтения лекций.

практические занятия по математике⁶. Всю зиму 1914—1915 года я работал над подготовкой своей магистерской диссертации «Однозначные аналитические функции с совершенным множеством особых точек», которую закончил осенью 1915 года. Эта работа после просмотра проф. Д. Ф. Егоровым была принята к напечатанию в «Ученых записках» МУ. Печатание заняло еще около года, и только в ноябре 1916 года я смог представить положенное число экземпляров работы (100 экз.), как диссертацию на соискание ученой степени «магистра чистой математики», и, наконец, в мае 1917 года после публичной защиты я получил ученую степень магистра: моими оппонентами были Н. Н. Лузин и Д. Ф. Егоров, кроме того, с рядом замечаний выступили Б. К. Млодзеевский и И. И. Привалов. С чувством некоторого удовлетворения могу сказать, что идеи этой работы получили дальнейшее развитие в довольно многочисленных работах И. И. Привалова, Н. Н. Лузина, В. С. Федорова и некоторых других⁷.

Февральская революция 1917 года коренным образом изменила положение в высшей школе. Прежде всего была ликвидирована «кассовская» история и ушедшие в 1911 году профессора и преподаватели вернулись в университет; вместе с тем отпали причины уклонения от работы в МУ и для меня, и с осени 1917 года на правах приват-доцента я объявил в Университете курс «Особые точки аналитических функций». До этого в течение 1915—17 г. я читал специальные курсы по математике в Московском Городском Университете имени Шанявского, что давало некоторый выход для преподавательской работы молодых преподавателей, не желавших после «кассовской» истории работать в МУ.

Летом 1917 года Временное правительство открыло ряд Университетов в провинции, и между прочим в Саратове, где еще с 1909 года существовал Университет, но временно в составе одного медицинского факультета; теперь было решено развернуть его в полный Университет в составе четырех факультетов, был объявлен конкурс на замещение профессорских должностей и по математике, но об этом я не знал, хотя раньше несколько раз подумывал о работе в провинции. В сентябре физик, проф. В. Д. Зернов, назначенный деканом физико-математического факультета Саратовского Университета, написал Д. Ф. Егорову письмо с просьбой указать кандидатов на замещение профессорских должностей по математике. Д. Ф. Егоров после переговоров со мною и с И. И. Приваловым рекомендовал нас, и в заседании Ученого Совета Саратовского Университета в конце октября избрали И. И. Привалова и меня профессорами математики. Об этом избрании я узнал только в конце декабря, и в конце января, после зимних каникул, мы отправились на новое место работы в Саратов.

Материальное положение мое в Москве было вполне прочное, так

⁶ «В качестве незаурядной педагогической силы Владимир Васильевич рекомендовал себя вскоре по окончании университета, состоя преподавателем московских средних учебных заведений, ввиду чего он неоднократно был приглашаем губернскими земствами в качестве лектора по методике математики на курсы учителей. В настоящем учебном году по возвращении из заграничной командировки Владимир Васильевич был избран преподавателем Московского института инженеров путей сообщения и Московских Высших женских курсов, и тут, в высшей школе, он показал себя талантливым преподавателем, умеющим в сжатой и ясной форме изложить учащимся самые сложные вопросы» [4, с. 154].

⁷ К большому сожалению, диссертация В. В. Голубева не получила должного распространения за границей. В предисловии переводчика к книге [5, с. 7] Е. П. Долженко пишет: «В этой работе В. В. Голубев получил результаты, часть которых позже передоказывалась рядом авторов — иногда даже в более слабой форме».

как с начала 1915/16 уч. года, помимо моей работы в средней школе и в Институте инженеров путей сообщения я был назначен штатным преподавателем Московского Высшего Технического Училища; все это давало мне вполне достаточный заработок. Но вместе с тем вся эта работа по ведению практических занятий и уроки в средней школе не давали большого удовлетворения в смысле научного преподавания и научной работы. То и другое полностью давала работа профессором в Саратове, и это заставило променять работу в Москве на профессию в Саратове. И, как оказалось впоследствии, мое решение оказалось совершенно правильным: мое двенадцатилетнее пребывание в Саратове сыграло в моей жизни совершенно исключительное значение и дало очень много для моего развития как ученого и профессора.

И. И. Привалов и я — мы были первыми профессорами математики нового физико-математического факультета, и, следовательно, приходилось строить преподавание буквально на пустом месте; естественно, такое грюндерство представляло много увлекательного. В первый семестр, весной 1918 года мы разделили с И. И. Приваловым преподавание так: я читал введение в анализ и дифференциальное исчисление и сверх того сферическую тригонометрию, И. И. Привалов — аналитическую геометрию и высшую алгебру, кроме того, мы же вели и практические занятия. Конечно, в планировании преподавания мы полностью следовали порядкам, установившимся в нашей *alma mater* — Московском Университете.

После огромной загрузки, которая была в Москве и доходила до чудовищной цифры — 40 часов, моя нагрузка в Саратове казалась чрезвычайно малою, несмотря на то, что я тратил очень много времени на подготовку курсов и лекций по введению в анализ и по сферической тригонометрии, даже издал в гектографированном виде. Оставалось достаточно свободного времени для научных размышлений. В Саратове в это время я жил один; семья временно оставалась в Москве. Жил я в пустой комнате в Университете по-студенчески, при полном отсутствии книг и всякого домашнего уюта.

Моя семья, Наталья Сергеевна, Коля и маленькая дочка Оля — она родилась летом 1915 г. — переехала осенью 1918 года. В Саратове не было совершенно квартир; с большим трудом мы получили полквартиры, крайне неудобной. Другую половину занимал какой-то милиционер; впрочем, больших неудобств от него мы не испытывали, если не считать того, что он временами в своей половине с большим шумом танцевал «барыню» и отапливался нашими дровами.

В конце того же года в Москве умер мой отец, а месяц спустя моя мать. Никаких родственников, близких в Москве у меня не осталось; таким образом моя связь с Москвою фактически прекратилась.

Несмотря на достаточную загрузку преподаванием, а также и административными делами (с осени 1918 года я был деканом физ.-мат. факультета до 1920 года, а затем проректором и ректором до конца 1922 года), можно было развернуть достаточно интенсивную научную работу⁸. Большим затруднением здесь было полное отсутствие библиотеки; кое-какие результаты в пополнении библиотеки математической литературой можно было достигнуть только много позднее, году в 1928. Я выходил из этого затруднения тем, что ежегодно уезжал на месяц в Москву, где и работал в Университетской библио-

⁸ При этом Владимир Васильевич был заведующим кафедрой чистой математики с 1918 г. до своего ухода из университета осенью 1930 г., председателем предметной комиссии (1924/25 г.) и представителем квалификационной комиссии при СНР (совете научных работников) г. Саратова.

теке. Впрочем, к этим поездкам, обычно в конце учебного года, в мае, перед экзаменами, университетское начальство относилось достаточно неодобрительно. Таким путем в течение 1918—1922 г. мною была написана довольно большая работа «Исследования по теории особых точек», которую я рассматривал как диссертацию на соискание ученой степени доктора. Но защищать ее было негде, так как еще в 1919 г. ученые степени были упразднены. Напечатать ее удалось только позднее; она вышла отдельными главами в Ученых Записках Саратовского Университета за 1924—1927.

Основными вопросами, поднятыми в этой работе,— поведением аналитической функции в области особых точек и теорией автоморфных функций, я занимался и в последующие годы; некоторые итоги этих исследований были мною напечатаны...

В Саратовском университете кроме физико-математического факультета Голубев преподавал на разведочно-геологическом. Там он читал лекции по теории вероятностей с приложением к теории погрешностей в 1920/21 г. Кроме университета Голубев работал в 1919/20 г. в Педагогическом институте. В 1921—1930 гг. читал лекции по математике и теоретической механике в Институте сельского хозяйства и мелиорации г. Саратова.

В Саратовском университете В. В. Голубев создал научную школу математиков и механиков, представителем которой были Ф. Г. Шмидт, Г. П. Боев и другие.

Случайное обстоятельство повело к тому, что у меня помимо чистой математики оказалась вторая специальность: техническая гидромеханика⁹. Летом 1924 года, не имея под руками математической литературы, я занялся изучением работ Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина по теории крыла, которые были в оттисках в моей библиотеке¹⁰. Эти работы меня заинтересовали и в 1924/25 уч. году один из специальных курсов, которые я ежегодно читал студентам для расширения своих научных интересов на разнообразные темы,— это было выполнение одного из советов моего учителя Д. Ф. Егорова — посвятить теории крыла. Отработанный и несколько дополненный курс этот в 1927 г. был напечатан в Москве в издании ЦАГИ; эта книга «Теория крыла аэроплана в плоскопараллельном потоке». В дальнейшем я систематически работал и в этом направлении¹¹.

⁹ Причина, конечно, была глубже: настойчивый интерес Голубева к прикладным областям математики, стремление дать полезные рекомендации технике самолетостроения.

¹⁰ Позже В. В. Голубев говорил о новом направлении его исследований:

«Я занялся изучением бывших у меня оттисков работ по теории крыла Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина и совершенно неожиданно для себя обнаружил, что в этих работах содержится то, о чем я мечтал: приложение теории функций комплексного переменного к изучению явлений природы и техники. При этом приложение непосредственное, минуя дифференциальные уравнения.

Теорию функции комплексного переменного можно было буквально видеть, осуществить на модели течением жидкости. Это было претворением гениальных идей Римана в области техники и естествознания. Эти идеи совершенно очаровали меня. Область гидродинамического истолкования аналитических функций стала наряду с аналитической теорией дифференциальных уравнений моей самой любимой областью науки, а сам творец этого направления Бернгард Риман стал моим любимым, самым авторитетным ученым. Его гениальные идеи и воплощение их в науке в замечательных исследованиях Жуковского и Чаплыгина, их развитие и углубление стали основным делом моей научной жизни» [2, с. 181].

¹¹ Продолжением книги В. В. Голубева «Теория крыла аэроплана в плоскопараллельном потоке» явилась работа «Теория крыла аэроплана конечного размаха», изданная в 1931 г.

Таким образом, Голубев сумел исключительно плодотворно применить свои математические познания к прикладным вопросам аэродинамики. «Двадцатые годы были годами расцвета московской школы теории функций, но некоторая односторонность увлечений молодых математиков того времени таила опасность ослабления

Наконец, преподавание в Саратовском институте с. х. и мелиорации, где я работал с 1920 г., привело меня к работе по приложению математической статистики к лесному делу. Несколько курсов, прочитанных студентам и техникам-таксаторам, привели к написанию книги «Основания математической статистики в приложении к лесному делу», изданной в 1930 году ЦУЛ. Как я узнал много позднее, эта книга с успехом применялась в качестве учебника в с.-х. ВУЗах.

Первые годы работы в Саратове были чрезвычайно интересны; в Университете, помимо основных курсов, можно было читать интересные специальные курсы, появились способные молодые ученые из окончивших студентов и т. д. Однако превращение физико-матем. факультета в отделение Педагогического факультета привело к постепенному сокращению объема программ по математике. В конце концов объем преподавания настолько сократился, что не было возможности в стенах факультета проводить чтение специальных курсов по теории аналитических функций и по гидромеханике, которыми я занимался. В 1929 году курс по теории крыла конечного размаха, который, позднее, в 1931 году, был также издан в Москве, пришлось читать уже не на факультете, а от организации Осоавиахим в Саратове. Создались условия, аналогичные тем, из-за которых я в 1918 году уехал из Москвы в Саратов; в Саратове обстановка в Университете создавалась такая, что я не мог заниматься теми разделами науки, которые меня интересовали. Осенью 1930 г. я оставил преподавание в Саратове и по приглашению академика С. А. Чаплыгина перешел на работу в ЦАГИ на должность старшего инженера. Здесь я мог с полным успехом работать над вопросами технической гидромеханики. Одновременно я был приглашен профессором в МГУ, где также вел преподавание главным образом по вопросам технической гидромеханики.

В последующие годы мною было написано десятка полтора работ по различным вопросам теории крыла, по теории разрезных крыльев, по влиянию земли на крыло, по влиянию щитков на работу крыла и т. п., а также по некоторым вопросам общей гидромеханики, влияние вихрей на обтекание цилиндра, о течениях на поверхности Римана. В Университете я вел преподавание по теории крыла и по смежным вопросам, а также до 1940 г. систематически читал для студентов и аспирантов курс по аналитической теории дифференциальных уравнений; результатом этого преподавания явилась монография «Лекции по аналитической теории дифференциальных уравнений» (ГТТИ, 1940 г.)¹².

Кроме того, с 1932 г. веду преподавание высшей математики и руковожу кафедрой математики в Военно-Воздушной Академии им. Жуковского; с 1939 г. вступил в кадры Советской Армии¹³.

Работа в ЦАГИ продолжалась до начала Отечественной войны, когда вследствие эвакуации в Свердловск я принужден был оставить работу в ЦАГИ, и после возвращения из эвакуации я отказался от работы в ЦАГИ.

Во время пребывания в Свердловске я вел преподавание, помимо

классических традиций прикладной математики в московской школе. Следует поэтому подчеркнуть деятельность В. В. Голубева в Саратовском университете, его ряд специальных курсов по аэродинамике и выпущенную на их основе известную монографию по теории крыла в плоскопараллельном потоке, в смысле возрождения в московской математике и прикладных традиций» [6, с. 229].

Работы Голубева по аэродинамике явились чрезвычайно актуальными для самолетостроения. Поэтому его пригласили на должность старшего инженера в ЦАГИ.

¹² Здесь Голубев допускает неточность — монография была издана в 1941 году.

¹³ В 1944 г. Голубеву было присвоено звание генерал-майора инженерно-авиационной службы.

ВВИА и МГУ, в Свердловском Университете. В Свердловском Университете я впервые читал курс по теории алгебраических функций¹⁴; этим вопросом я продолжал заниматься и в последующие годы, читая в МГУ курсы по задаче о движении твердого тела вокруг неподвижной точки с подробным разбором вопросов теории гиперэллиптических интегралов и функций Якоби и Розенхайна. По этому вопросу я подготавливаю монографию¹⁵.

Точно так же продолжал работу по теории крыла: в этой области я разрабатывал теорию машущего крыла. Ряд докладов и заметок по этому вопросу напечатан в изданиях АН СССР, членом-корреспондентом которой состою с 1934 г., а именно в Ученых записках МГУ. Наконец, систематическое участие в издании трудов Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина привело к тому, что мною написаны биографии Н. Е. Жуковского (изд. ЦАГИ, 1941) и С. А. Чаплыгина (изд. ЦАГИ, 1946).

Так же, как в молодые годы, в Саратове, мне приходится вести большую административную работу¹⁶; с 1936 года состою директором НИИ механики МГУ¹⁷, а с 1944 года деканом механико-математического факультета¹⁸.

На этом автобиография завершается.

Хотелось бы отметить, что к многочисленным своим обязанностям В. В. Голубев подходил творчески. Будучи человеком широкой культуры, талантливейшим педагогом, лектором и воспитателем, обладая личным обаянием и остроумием, он старался и умел любое дело сделать интересным, зажигая своей энергией других людей. Доцент МГУ С. Г. Попов писал о Владимире Васильевиче: «Описать трудно — надо было видеть, слышать, с каким искусством, тактом и умом и вел и направлял он разнообразные заседания, совещания и конференции, где его слово было обобщающим, объединяющим и верным решением вопроса, стоявшего на обсуждении,— в интересах дела, науки, общества. При этом даже речи на больших собраниях готовились быстро, незадолго и без записок — все в голове, окончательно создавались в ходе самой речи. Это был прирожденный оратор, трибун и с хорошим голосом, которым он владел полно» [7, с. 2].

¹⁴ В Свердловск Голубев эвакуировался с Военно-воздушной инженерной академией в 1941 г. и пробыл там до июня 1943 г. С переездом в Свердловск Московского университета с осени 1942 г. он возобновил работу на механико-математическом факультете и в НИИ механики МГУ. Удалось наладить достаточно полно преподавание по основным механическим дисциплинам и развернуть периодические заседания Ученого совета Института механики с докладами о научных работах. При участии Голубева местными и эвакуированными работниками было организовано физико-механическое общество при Свердловском университете. В научных заседаниях этого общества в течение 1942/43 г. был также доложен ряд работ по физике и механике.

¹⁵ Эта монография вышла под названием «Лекции по интегрированию уравнений движения тяжелого твердого тела около неподвижной точки» (М.: ГИТТЛ, 1953).

¹⁶ Когда в мае 1933 г. механическое, математическое и астрономическое отделения Московского университета были объединены в один механико-математический факультет, В. В. Голубев стал его первым деканом (1933/34 г.). В 1934—1946 гг. он дважды был избран в Ленинградский районный Совет депутатов трудящихся г. Москвы.

¹⁷ В. В. Голубев был утвержден в 1930 г. действительным членом НИИ математики и механики, который в 1935 г. был разделен на два института: НИИ математики и НИИ механики. Первым директором последнего до 1936 г. работал Л. С. Лейбензон.

¹⁸ Владимир Васильевич работал деканом до 1952 г., когда серьезное заболевание вынудило его оставить этот пост. Директором НИИ механики Московского университета он был до 1954 г.

Советское правительство высоко оценило научную, научно-организационную и педагогическую деятельность В. В. Голубева. Он был награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, четырьмя орденами Красной Звезды, многими медалями и золотыми именными часами от Наркомата обороны. В 1943 г. В. В. Голубеву было присвоено звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

В статье, посвященной Голубеву, его ученик и биограф профессор А. А. Космодемьянский писал: «Ученым-строителем новой жизни, ученым темпераментным и целеустремленным, ученым, знающим великую и противоречивую книгу реальной жизни, и был Владимир Васильевич Голубев... Он прожил напряженную, трудовую, содержательную жизнь, жизнь борца, исследователя, большого человека. Он ушел из жизни внезапно и неожиданно — на следующий день после семидесятилетнего юбилея, произнеся на юбилейном собрании, где присутствовало более двух тысяч ученых, инженеров, преподавателей и служащих университета, почти часовую зажигательную речь, изложив в ней «кредо» своих исканий, своего отношения к науке, к педагогической деятельности, к университету. Наша страна может гордиться таким сыном» [8, с. 386—387].

ЛИТЕРАТУРА

- Владимир Васильевич Голубев. Автобиография (рукопись). 1948. — Арх. Научно-мемориального музея Н. Е. Жуковского.
- Последнее слово профессора Московского университета Владимира Васильевича Голубева в день его семидесятилетия 3 декабря 1954 г. — Вестн. Моск. ун-та, 1955, № 2, с. 173—182.
- Выписка из журнала Ученого Комитета Министерства Народного просвещения (от 4.4.1911) № 1928. — ЦГИА г. Москвы, ф. 418, оп. 86, д. 280, 1908, л. 59, 59 об.
- Волков А., Поляков А., Жуковский Н., Фиников С. В собрание механического отделения императорского Технического училища (от 2.4.1915). — Известия императорского Московского Технического Училища, т. X, 1914—1915, с. 154—156.
- Коллингвуд Э., Ловатер А. Теория предельных множеств. — М.: Мир, 1971.
- Владимир Васильевич Голубев (к 60-летию со дня рождения). — УМН, 1946, т. 1, вып. 1(11), с. 229—231.
- «Вперед и выше» (газета Военно-воздушной инж. академии им. Н. Е. Жуковского), 29.II.1974.
- Космодемьянский А. А. Владимир Васильевич Голубев — его жизнь и научная деятельность. — В кн.: Очерки по истории механики. — М.: Просвещение, 1964, с. 385—408.

ON THE LIFE AND ACTIVITY OF V. V. GOLUBEV (the authorbiography with comments of L. A. Protasova)

The authorbiography of V. V. Golubev with additions and comments is published.

Л. А. ПРОТАСОВА

О ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ В. В. ГОЛУБЕВА

(к 100-летию со дня рождения)

Педагогическая деятельность Владимира Васильевича Голубева началась в студенческие годы и продолжалась всю жизнь. «Каждый кто имел возможность слушать лекции Владимира Васильевича, согласится, что это был совершенно исключительный лектор, артист в самом высоком смысле слова. Лекции Владимира Васильевича отличались глубиной, безупречной логикой и четким планом. Но самым замечательным было исключительное умение держать в напряжении аудиторию. На его лекции невозможно было отвлечься. В 1934 г. Владимир Васильевич читал курс «Анализ III» на механико-математическом факультете МГУ. Расписание было очень неудачным; это были 7-й и 8-й часы после напряженного лекционного дня. Уже на предыдущей лекции чувствовались усталость и рассеянное внимание. Но на лекциях Голубева каждый как бы обретал второе дыхание, и внимание было полным. Впечатление от них остается ярким даже через сорок лет.

Остается сожалеть, что техника того времени, а возможно и непонимание важности не позволили записать его лекции. Эти записи сейчас могли бы много дать молодым преподавателям наряду с большим вкладом, оставленным Владимиром Васильевичем в его работах и книгах», — считает один из учеников и последователей В. В. Голубева, возглавивший после его смерти кафедру аэромеханики Московского университета, Г. И. Петров [1, с. 1].

Однако Голубев не только читал учебные курсы, но и много сил отдавал осмыслению особенностей преподавания математики и механики, изучению опыта руководства работой больших коллективов преподавателей высшей школы. Интерес Голубева к совершенствованию методики преподавания математики и механики отразился в ряде докладов и статей на эту тему. Например, в 1941 г. Голубев принимал участие в методическом совещании по вопросам преподавания математики и инженерных дисциплин в высших технических учебных заведениях, созданном Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы. Стенограмма доклада Голубева была положена в основу статьи [2]. В ней рассматриваются вопросы разработки учебников и программ по курсу математики в технических вузах, работы математического кабинета. Голубев возражает против предложений об уменьшении числа лекций с одновременным увеличением числа практических занятий. Он пишет: «Нам представляется, что лекция должна являться самым активным методом преподавания. Лектор направляет общий ход исследования, ставит задачи, намечает метод их решения и в качестве образца приводит его на доске. Каждый слушатель обязательно про-